

Г. М. Коваленко

НОВГОРОД В НЕМЕЦКОЙ «РОССИКЕ» ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

А. И. Герцен называл Новгород «городом ганзеатических воспоминаний»¹. Возможно, именно поэтому среди иностранных путешественников, оставивших свои описания Новгорода, так много немцев, для которых он представлял интерес «уже тем, что был связан с ними через Ганзейский союз».

Следы немецкой «Новгородики» обнаруживаются уже в XIII в. В «Хронике Ливонии» немецкого летописца первой половины столетия Генриха Латвийского и «Ливонской рифмованной хронике» конца столетия есть упоминания о Новгороде (Nogardie, Nogardiam), Новгородском королевстве и новгородских королях и великих королях, как правило, безымянных².

В XV в. начинается накопление географических и этнографических сведений о России и распространение информации о ней в европейских странах купцами, монахами и дипломатами. Наиболее оперативной была информация купцов, носившая не только торгово-экономический, но и политический характер. Обладавшие профессиональной наблюдательностью купцы выступали в роли авторов хроник, составителей разговорников и словарей³. К началу столетия относятся первые западноевропейские изобразительные материалы о Новгороде. Они представлены резьбой на скамье купцов, торговавших с Новгородом (Gestühl der Novgorodfahrer), в церкви св. Николая в Штральзунде (ок. 1400 г.).

XVI век стал новым этапом знакомства европейцев с Российским государством, которое становится объектом все более пристального внимания иностранных наблюдателей. При этом меняется направление культурных связей Руси с Европой. Если в предыдущем столетии в них преобладали итальянцы, то теперь «немцы» заслонили «фрягов», и пальма первенства перешла к выходцам из Германских земель, в хроно-

---

¹ Пасек Т. П. Из давних лет. Воспоминания. Т. II. М., 1963. С. 289.

² Генрих Латвийский. Хроника Ливонии // Славянские хроники. СПб., 1996; Ливонская старшая рифмованная хроника // Крестоносцы и Русь. Конец XII в. – 1270 г. М., 2002.

³ Хорошкевич А. Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в. М., 1980. С. 7.

логическом перечне первое место занимает секретарь магистра Ливонского ордена Вольтера фон Плеттенберга, автор «Прекрасной истории об удивительных деяниях государей Ливонии в борьбе с русскими и татарами» (1508) Кристиан Бомховер⁴.

Первым подробным систематическим описанием Московского государства стали «Записки о Московии» (1549) имперского дипломата Сигизмунда Герберштейна, который наметил основные темы немецких описаний Великого Новгорода XVI – XVII вв.

В XVII в. историко-географические описания Новгорода дополняются описаниями жизни и быта горожан. Наибольший интерес в этом плане представляют сочинения немецкого ученого-энциклопедиста Адама Олеария «Описание путешествия в Московию» (1647) и поэта немецкого барокко Пауля Флеминга, который стал автором первых поэтических произведений о Новгороде. Темой его поэмы «В Великом Новгороде россов» является не скифская дикость, а жизнь народа, какой ее увидел автор. Он изобразил ее не только более позитивно, но и более конкретно по сравнению с теми представлениями, которые прежде существовали в европейской литературе.

В XVIII в. через Новгород проходили маршруты сибирских академических экспедиций, в составе которых были такие известные немецкие ученые-натуралисты, как Иоганн Георг Гмелин, Петр Симон Паллас, Иоганн Готтлиб Георги. Они интересовались не только новгородскими древностями, но и демографией, этнографией, экономикой, почвой, водоемами, флорой и фауной, полезными ископаемыми города и городской округи.

В XIX в. многие иностранцы видели в Великом Новгороде только «Magni nominus umbra» («тень великого имени»). Побывавший в Новгороде в 1805 г. немецкий поэт и публицист Иоганн Готфрид Зейме увидел в здесь «только остатки былого великолепия»: «Издали кажется, будто город и теперь еще имеет большое значение, внутри же все выглядит пустым и заброшенным... людных улиц очень мало... много обширных пустырей... Где те времена, когда Новгород заставлял трепетать царей и когда возникла поговорка: «Кто пойдет против Господа Бога и Великого Новгорода?»⁵. В 1812 г. через Новгород проезжал другой немецкий поэт и публицист Эрнст-Мориц Арндт, который отметил, что Новгород «в теперешнем его положении не произвел на меня столь сильного впечатления и лишь в некоторых церквах и в обширности своих стен... представляет следы своего величия»⁶. Пятнад-

---

⁴ Eynne Schonne Hystorie van vunderlyken gescheffthen der herren tho Lyfflanth mythen russen unde tartaren // Archiv für die Geschichte Liv-, Est- und Kurlands / Hg. v. K. von Schirren. Bd. 8. Reval, 1861. См.: *Freiherr von Taube A.* «Der Untergang der livländischen Selbstständigkeit»: Die livländische Chronistik des 16. Jahrhunderts // Geschichte der deutschbaltischen Geschichtsschreibung. Köln, Wien, 1986; *Бессуднова М. Б.* Ливонская историография рубежа XV и XVI веков // Исторические записки ВГУ. Вып. 12. Воронеж, 2006.

⁵ *Зейме И. Г.* Мое лето 1805 года // Немцы демократы XVIII века. М., 1956. С. 601.

⁶ *Арндт Э. М.* Воспоминания о 1812 году // Русский архив. 1871. Вып. 2. Стб. 090–091.

цатилетнему сыну баварского придворного художника Петера Хесса Эугену Новгород образца 1839 г. показался осовременившимся и незначительным городком, торговля в котором теперь совершенно прекратилась⁷.

Тем не менее, бывшее величие, «тень великого имени» влекли европейцев в Новгород, который и сегодня является частью национального символа и поэтического образа России. Не случайно современный немецкий исследователь заметил, что «вплоть до наших дней драматическая история средневекового Новгорода и множество грандиозных его памятников не утратили ничего из своего ослепительного блеска»⁸.

Следует также отметить, что в первой половине столетия политические симпатии демократических и либеральных кругов европейской интеллигенции в значительной мере подпитывали их интерес к республиканскому Новгороду, символом которого для них была Марфа Борецкая. Она упоминается в путевых заметках ландмаршала лифляндского дворянства Унгерн-Штернберга и немецкого путешественника и географа Иоганна Георга Коля. Он называет её мужественной и патриотичной республиканкой, «которая для Новгорода была почти тем же, что и Брут для Рима и Костюшко для Польши»⁹.

Довольно подробные описания Новгорода первой половины XIX века оставили Э. Б. С. Раупах и И. Ф. Унгерн-Штернберг. Уроженец Силезии Эрнст Бенъямин Соломон Раупах приехал в Россию в 1807 г. и занял в Петербурге место воспитателя в доме директора Липецких минеральных вод Ивана Николаевича Новосильцева. В 1809 г. он ездил на липецкие минеральные источники и по дороге в Липецк побывал в Новгороде. По всей вероятности, он заранее готовился к встрече с древним Новгородом, в который он «спешит войти» вместе с читателем его путевых заметок.

Раупах задается вопросом о том, что привело к крушению Новгородской республики и рассматривает как внутренние, так и внешние причины этого. К внутренним причинам он относит «нерешительность новгородцев и их вечные раздоры», которые он называет борьбой партий. К внешним – «торговлю со многими государствами» и «опасное соседство» с Польшей и Литвой: «Во время правления Ивана Васильевича II, прозванного тираном, Новгород попытался сбросить ярмо и отдаться в руки поляков, но это привело его к гибели».

Современный Новгород показался Раупаху достаточно привлекательным. Он не был разочарован тем, что увидел здесь, и в его описании не звучит тема контраста и обманутых ожиданий. По срав-

---

⁷ Эуген Хесс. Русский дневник. М., 2007. С. 105–106.

⁸ Бирман Ф. Новгород как центр русско-немецких связей в позднее Средневековье // Русские и немцы. 1000 лет истории, искусства и культуры. Эссе. М., 2012. С. 62.

⁹ Kohl J. G. Reisen im Inneren von Rußland und Polen. Dresden 1841. S. 18–19, 32.

нению с предшественниками, Раупах более подробно описал достопримечательности Новгорода.

По мнению Раупаха, главными достопримечательностями Новгорода являются церкви и монастыри, благодаря которым «любитель древности найдет здесь занятие на долгое время». Среди них он особо отмечает собор, «основанный сразу после принятия христианства в России в десятом веке первым епископом Иоакимом». Он пишет о богато декорированных молельных местах Софийского собора – епископском и царском – и отмечает, что их вытертый бархат «свидетельствует о набожности древних правителей». О бронзовых вратах западного фасада Новгородской Софии он пишет, что они «были изготовлены в одиннадцатом веке в Константинополе, потом подарены греческим императором». В качестве достопримечательностей Софийского собора он отмечает также «мощи и саркофаги многих святых, которые играли огромную роль в греческих легендах».

В своем сочинении Раупах передает пророческую легенду-предостережение, связанную с изображением Христа в центральном куполе Софийского собора, и кратко излагает «Повесть о путешествии Иоанна Новгородского на бесе в Иерусалим», которую ему «рассказал один верующий человек с поучительным выражением лица». Он называет Иоанна Новгородского самым знаменитым из новгородских святых, к могиле которого совершают многочисленные паломничества».

Пребывание в Новгороде не только позволило Раупаху испытать «ощущение величия», но и навеяло сентиментальные и философские мысли о смысле жизни и тщетности всего земного.

Остзейский дворянин Иоганн Фридрих Унгерн-Штернберг побывал в Новгороде почти одновременно с Раупахом. Он приехал сюда с чувством живого нетерпения, поскольку ему «поскорее хотелось познакомиться с одним из самых древних и наиболее известных городов России – Новгородом». Во время прогулки по городу Унгерн-Штернберг и его спутники были поражены видом обветшалых каменных зданий, пустынных площадей и поросших травой улиц с одиноко стоящими, покосившимися домами и редкими пешеходами. Полуразвалившиеся лавчонки показались им злой насмешкой над былым торговым величием Новгорода, удар по которому нанесло строительство Петербурга, окончательно лишившее Новгород возможности развития.

Одним из сюжетов в сочинениях немецких путешественников первой половины столетия были Новгородские военные поселения. О восстании новгородских поселян 1831 г. вспомнил Иоганн Коль, подъезжая к Новгороду в мае 1837 г. Увидев опрятные деревни и воинов-земледельцев, «которые мирно пахали поля вдоль дороги», он задумался о том, что послужило причиной того что шесть лет назад в этих местах «возмущённые солдаты убили 75 врачей и несколько сотен офи-

церов, когда они забивали кнутом до смерти женщин и привязали одного из генералов к дереву и упражнялись на нём в стрельбе»¹⁰.

Следует отметить, что институт военных поселений, которые в XIX в. считались удивительным чудом, привлекал пристальное внимание европейцев. «Быть в России и не видеть новгородских поселений, не полюбоваться этим гениальным творением великого Аракчеева – значило почти то же самое, что быть в Риме и не видеть папы. Поэтому все почётные гости – иностранные принцы и посланники – считали своей обязанностью съездить на Волхов и осмотреть житье-бытье поселенных солдат»¹¹.

Как отметил автор новейшего исследования по истории военных поселений в России К. М. Ячменихин, иностранные наблюдатели «хотели привлечь внимание общественности Западной Европы к этому своеобразному институту российского самодержавия, способного, по их мнению, значительно увеличить военный потенциал государства. Некоторые из них в разные годы побывали в поселениях кавалерии и составили о них достаточно хвалебные отзывы»¹².

По мнению Т. Н. Кандауровой, создание военных поселений рассматривалось европейцами в первую очередь с точки зрения роста ее военной мощи и желания укрепить свои позиции на континенте. Иностранные правительства и общественность также пытались спрогнозировать внутривнутриполитические последствия этой комплексной реформы, затронувшей многие стороны жизни российского общества¹³.

Иностранные описания относятся преимущественно к военным поселениям юга России (Роберт Лайель, Дрезе-Брезе, де Кюстин, герцог де Мормон, А. Гастгаузен). Наиболее подробное описание Новгородских военных поселений принадлежит перу немецкого религиозного деятеля, писателя-путешественника Фридриха Иоганна Лоренца Мейера (1760–1840). Он родился в 1760 г. в Гамбурге в семье винооторговца. В 1778–1784 гг. изучал юридические науки в Геттингене, Швейцарии, Италии и Франции. По возвращении в Гамбург работал адвокатом. В 1784 г. он стал каноником Гамбургского соборного капитула, а затем был избран его председателем.

В 1785 г. он стал активным членом Гамбургского общества по поддержке искусств и полезных ремесел, в 1789–1793 гг. заведовал библиотекой общества, а в 1790–1825 гг. руководил его секретариатом и занимался изданием писем общества.

Мейер был приверженцем идей французского просвещения и был в дружеских отношениях с известным в то время поэтом Ф. Г. Клоп-

---

¹⁰ Kohl J. G. Reisen im Inneren von Rußland und Polen. Dresden 1841. S. 18–19.

¹¹ Грибе А. К. Новгородские военные поселения // Русская старина. 1885. Кн. 1. С. 135.

¹² Ячменихин К. М. Армия и реформы: военные поселения в политике российского самодержавия. Чернигов, 2006. С. 49–50.

¹³ Кандаурова Т. Н. Институт военных поселений в оценках иностранцев: социокультурный аспект // Россия и внешний мир: диалог культур. М., 1997. С. 130.

штоком, поборником идей Французской революции. В 1790 г. он вместе с ним организовал праздник в честь годовщины штурма Бастилии. В 1796 г. он посетил Францию в составе делегации Гамбурга, которая вела переговоры с Директорией об отмене эмбарго. В 1801 г. он вновь побывал во Франции с делегацией, которая вела переговоры с первым консулом Наполеоном.

Мейер занимался изучением старины и памятников искусства и был автором нескольких работ, написанных в жанре путевых заметок по Италии, Франции, Германии и России¹⁴.

В его заметках о путешествии в Россию специальный раздел посвящен Новгороду¹⁵. Важное место в этом разделе занимает описание Новгородских военных поселений (НВП), которые он посещал в 1828 г., когда «этот недолговечный военный государственный институт переживал время расцвета» и дополненное в 1835 г., когда он находился в состоянии упадка.

По словам Мейера, «проезжий иностранец не может составить истинное представление о сущности и духе такого важного и значительного государственного учреждения, как мощные военные поселения России». Поэтому его цель состоит в том, чтобы «взвесить все “за” и “против”, отметая в сторону все несущественное, дополнить результаты собственных наблюдений историческим контекстом», и представить иностранному читателю основные черты «этого редкостного, многогранного объекта и дать о нем как можно более полное представление»¹⁶.

Предваряя свое описание, он дает довольно высокую оценку институту военных поселений: «Учрежденные императором Александром по проекту и под руководством его фаворита графа Аракчеева, эти важные и знаменитые питомники русской военной мощи были так широко распространены, что и сегодня представляется разумным осуществление этого серьезного, грандиозного, широкомасштабного и при этом модифицированного ныне правящим монархом плана»¹⁷.

По его мнению, смысл военных поселений состоит в том, что «государственные крестьяне и солдаты сами заботятся о своем пропитании, занимаясь полевыми работами; молодое поколение занимается военным делом, чтобы состоять в резерве военной службы и быть готовым призываться на нее; из юношей благородного сословия готовят дельных офицеров, в школах более низкого ранга повышают уровень духовной культуры других слоев населения»¹⁸.

---

¹⁴ Подробнее о нем см.: *Riedel K. V.* Friedrich Johan Lorenz Meyer. 1760–1844. Ein Leben in Hamburg zwischen Aufklärung und Biedermeier. Veröffentlichung des Vereins für Hamburgische Geschichte. Bd. 17. Hamburg, 1963.

¹⁵ Russische Denkmäler. In den Jahren 1828 und 1835 gesammelt vom Domherrn Meyer. Zweiter Band. Moscovia. Hamburg, 1837. S. 208–240.

¹⁶ Russische Denkmäler. S. 219.

¹⁷ Ibid. S. 208.

¹⁸ Ibid. S. 220–221.

Как положительный момент организации поселений Мейер выделяет организацию воспитания и обучения юношества, развитие начального образования в сочетании с профессиональным обучением.

По мнению Т. Н. Кандауровой, «изменение культурного ландшафта, культуры хозяйствования и быта, чистота и порядок производили на иностранцев неизгладимое впечатление и не могли не остаться незамеченными»¹⁹.

Мейер также отмечает такой положительный момент введения поселенной системы, как изменение внешнего вида и ландшафта тех местностей, где устраивались поселения: «Усилиями поселенцев были осушены необъятные болота, и эти земли стали пригодны для земледелия, и тем самым в этих местах был улучшен холодный и влажный климат, непригодный для ведения хозяйств».

Мейер считает, что «военные поселения представляют собой лишь малую толику реализации плана создания большого государственного института, специфичного для России», целью которого было уменьшить расходы на постоянную боеспособную армию, облегчить процесс рекрутского набора, поддержать земледелие, иметь боеспособную армию, а также «обеспечить счастливую и беззаботную старость отслуживших защитников Отечества».

Восстание новгородских военных поселян 1831 г. Мейер считает прямым следствием эпидемии холеры. С одной стороны, в связи с карантинном «в поселениях были введены чрезмерно строгие, можно сказать, драконовские меры, ужесточившие и без того существования колоний строгий порядок». А с другой стороны, после подавления беспорядков в Петербурге из столицы были выдворены рабочие и поденщики. «Оставленные без средств к существованию, раздраженные и озлобленные правительственными мерами, разделяющие всеобщее мнение, что народ хотят тайно отравить, они потянулись длинной чередой через военные поселения на родину, сея тлеющие искры, из которых разгорелось бушующее пламя»²⁰.

По мнению Мейера, «зверства ослепленных не имели политической окраски и были направлены только против врачей, офицеров и должностных лиц поселений», тем не менее, они могли иметь самые серьезные последствия для всей России. Поэтому после восстания новгородские военные поселения были расформированы, а поселенцы обращены в пахотных солдат.

В целом Мейер оценивает военные поселения как одно из самых масштабных мероприятий внутренней политики Александра I, при этом он не считает их угрозой и вызовом Европе, нарушающим европейское равновесие. По его мнению, они являются более внутренней, нежели внутренней угрозой. В военных поселениях России он видел не реали-

---

¹⁹ Кандаурова Т. Н. Указ. соч. С. 145.

²⁰ Russische Denkmäler. S. 230–231.

зацию какой-то европейской модели, а поиск собственных путей и форм решения этой проблемы²¹.

Сочинение Мейера можно считать самым русофильским из европейских травелогов этого времени, а его новгородские страницы являются самым подробным из немецких описаний XIX в. Тон ему задает эпитафия, который он предпосылает новгородскому разделу своего сочинения. Это цитата из «Писем» Гая Плиния Младшего: «Воздавай почет древности, воздавай его великим деяниям, воздавай даже мифам. Всегда помни, что это та земля, которая дала нам право и законы»²².

Мейер воспринимал Новгород прежде всего как исконно русский древний город с особой историей, как город русской гипермнезии (гордости древней славой, коллективной исторической памяти социума). Именно в Новгороде, а не в Москве он нашел настоящих русских и смог изучить особенности русского характера, который проявляется здесь «во всей своей самобытности, в перевозданном виде»²³.

По его мнению, главные черты русского национального характера составляют такие добродетели, как «порядочность, услужливость, спартанская выносливость и добровольный отказ от необходимейших потребностей жизни, мужество, негибкая выдержка, непоколебимая стойкость».

Еще одной добродетелью русских является веротерпимость, распространенная в широких слоях русского общества «от высокопоставленных лиц до низших слоев населения. Они проявляют ее в отношении всех инаковерующих и к тем, кто не разделяет их взгляды или следует другим обычаям».

Он считает, что эти наиболее характерные качества русских «превосходят приписываемые им отрицательные стороны национального характера этого народа».

Наряду с распространяемыми мифами о той угрозе для Европы, которую таят русские военные поселения, Мейер пытается опровергнуть распространенное среди европейцев мнение о присущем русским людям раболепии.

По его словам, многие европейские путешественники принимают за раболепие, которого «мы не нашли ни здесь, ни в столице... любезную предупредительность и услужливость простого русского народа»²⁴.

Что касается знаменитого русского пьянства, то он пишет, что его «личное мнение на этот предмет противоречит общепринятому, ибо мы ни в рыночной суете в Новгороде, ни в уличной толпе Санкт-Петербурга и Москвы не встречали буйных от пьянства, а встречали лишь так называемых подвыпивших, по-настоящему веселых людей»²⁵.

---

²¹ Кандаурова Т. Н. Указ. соч. С. 141, 146.

²² Письма Плиния Младшего. М.: Наука, 1982. С. 155.

²³ Russische Denkmäler. S. 145.

²⁴ Ibid. S. 185–186.

²⁵ Ibid. S. 187.

Новгород был для Мейера также крупнейшим торговым городом, «побратимом Ганзы и других республик». И наконец, как «старый республиканец» он видел в древнем Новгороде «процветавшее более шести столетий европейское свободное государство» и сожалел об утрате его самостоятельности, которая благотворно влияла «на международные отношения, на культуру, благосостояние и стимулировала развитие ремесел». «Вместе с независимостью исчезли блеск, торговля, благосостояние древнего вольного Новгорода, сократилось его население, и он превратился в неприметный провинциальный город», промышленность которого представлена только казенной мануфактурой по производству парусины.

Тем не менее, Новгород не утратил своих традиций. Наблюдая за новгородскими ремесленниками, работавшими «искусно, усердно и добросовестно», Мейер сумел увидеть в них творческую жилку, способность, к обучению, понятливость и смекалку: «Едва ли найдется народ, равный русскому или его превосходящий в своей сообразительности... в подражании данным ему образцам». По его мнению, благотворное влияние на развитие их творческих способностей оказало отсутствие цеховой организации. «Россия не знает безобразной цеховой организации ремесленников с длинным шлейфом сопровождающих ее злоупотреблений и глупостей, которые терпят другие цивилизованные государства. Чуждые этому ненавистному безобразию, этим невыносимым издевательствам, русские люди посвящают себя свободно выбранному ремеслу, в чем их поддерживают мастера, которым они подражают... Но это – не бездумный рабский инстинкт подражания, а свободный врожденный талант, их собственный, дух, заставляющий не подражать мастеру, а стремиться к совершенству, чтобы сравниться с его искусством»²⁶.

Мейер сравнивает творческий дух и пытливый ум русского народа с глубоким кладезем премудрости, который российский император сможет осветить светильниками воспитания и образования, что будет способствовать духовному подъему нации и всеобщему благу.

Признаки благотворного влияния «всеобъемлющего творческого духа, царящего в России», на этот «до сей поры не пользующийся вниманием древний почтенный город» Мейер видел в улучшении благоустройства Новгорода. Его взору предстали люди, «занятые строительством и ремонтом домов», дороги и мостовые, «по которым удобно ездить и ходить, не опасаясь, как раньше, сломать себе руку или ногу», «великолепный мост», перестроенный путевой дворец, приведенный в порядок кремлевский парк, «тюрьма, организация и регламент которой считаются образцовыми и гуманными», городская гимназия.

Эти наблюдения Мейера в известном смысле перекликаются со словами немецкого поэта и эстетика Георга Райнбека, который в 1805 г. попытался определить перспективы развития Новгорода: «Чем бы только он не мог стать, если бы на него обратили должное внимание! Он бы

---

²⁶ Russische Denkmäler. S. 196–197.

приобрел некое значение, наряду со все поглощающими Петербургом и Москвой, и была бы определенная польза в том, что в глубинке существует множество процветающих второстепенных и третьестепенных в смысле культуры городов»²⁷.

Можно сказать, что в XIX в. побывавшие в Новгороде немецкие путешественники возлагали определенные надежды на то, что в будущем этот «увенчанный венком свободы торговли и международных связей» город, подобно Фениксу вновь возродится из пепла, как это уже бывало в его истории, и сможет развиваться как один из культурных центров империи.

В какой-то мере эта тенденция получила развитие на рубеже XX и XXI вв. Не случайно журналист «Шпигеля» Эрик Фоллат, побывав в Новгороде, назвал его «городом надежды»²⁸.

---

²⁷ *Reinbeck G.* Flüchtige Bemerkungen auf einer Reise von St. Petersburg über Moskwa, Grodno, Warschau, Breslau nach Deutschland im Jahre 1805. Leipzig, 1806. S. 103.

²⁸ *Erich Follath.* Stadt der Hoffnung // *Der Spiegel.* 2000. № 20. S. 202–207.